

Цзян Хай был ошеломлён его взглядом. Покрасневший от стыда Гу Цинчэн, с его алыми губами и белыми зубами, с гневным и полным унижения взглядом, вызывал странное желание доминировать. Он, словно от удара током, отпустил его, но не удержался от слов:

— Не ожидал, что у тебя такая аппетитная задница.

Гу Цинчэн, воспользовавшись моментом, выскользнул из его хватки. Он был в ярости, что только что думал, будто этот тип изменился и хочет наладить с ним отношения. Собака не меняет своих привычек, и Цзян Хай вряд ли когда-нибудь изменит свой мерзкий характер! Он был так зол, что ноги его дрожали, и, выйдя из автобуса, он всё ещё чувствовал прикосновение Цзян Хая на своих ягодицах. Он шлёпнул себя по заднице, как вдруг услышал, как водитель кричит из автобуса:

— Эй, парень, ты не выходишь?

Он обернулся и, сквозь окно, увидел, как Цзян Хай смущённо улыбается:

— Подождите, водитель, мне нужно немного времени...

Гу Цинчэн тут же развернулся и пошёл прочь. Он хотел как можно быстрее уйти из поля зрения Цзян Хая. Пройдя уже довольно далеко, он оглянулся и увидел, что Цзян Хай всё ещё сидит в автобусе. На таком расстоянии он не мог слышать, что тот говорит, но если бы услышал, то, наверное, был бы поражён его бесстыдством. Потому что Цзян Хай откровенно сказал водителю:

— У меня внизу стоит, нужно подождать, пока спадёт. Вокруг ведь люди.

Некоторые ученики уже услышали его слова, и несколько девушек, покраснев, сдержанно хихикали. Цзян Хай, не обращая на это внимания, облокотился на окно и наблюдал, как стройная фигура Гу Цинчэна исчезает в глубине аллеи.

Гу Цинчэн, вернувшись в класс, сразу же погрузился в книги. В воскресенье вечером у них начались вечерние занятия, и из-за поездки в дом престарелых он не успел сделать два теста. Его мысли были в беспорядке, и за весь вечер он смог выполнить только один с половиной. Когда занятия закончились, он не торопился уходить, а дописал тест. К тому времени в классе оставалось всего три или четыре ученика, которые продолжали работать. Взглянув на часы, он увидел, что уже половина десятого.

Гу Цинчэн вышел из класса с рюкзаком за плечами, но, едва переступив порог, он словно увидел призрака. Потому что перед ним, засунув руки в карманы, стоял Цзян Хай, и выражение его лица было непонятным.

Гу Цинчэн, как обычно, решил игнорировать его и, сделав вид, что не замечает, направился к выходу из школы. Когда он вышел на улицу, он всё ещё слышал шаги позади себя. Обернувшись, он увидел, что Цзян Хай идёт за ним.

Уже было поздно, и в их уезде после девяти вечера на улицах почти никого не было. Тусклый свет фонарей освещал дорогу, а провода над головой были запутаны, что создавало жутковатую атмосферу. Когда он свернул в переулок, стало ещё темнее. Фонари здесь стояли далеко друг от друга, и все дома вокруг были закрыты. Кое-где дорога была неровной, с выступающими камнями. Он оглянулся и увидел, что Цзян Хай всё ещё идёт за ним, и, кажется, сокращает дистанцию.

Гу Цинчэн испугался. Он ускорил шаг, и Цзян Хай тоже пошёл быстрее. Впереди вдруг появился свет — это была мастерская по ремонту велосипедов, которая ещё не закрылась. Хозяин с семьёй смотрел телевизор. Гу Цинчэн подошёл к свету, набрался смелости и, обернувшись, крикнул:

— Зачем ты за мной идёшь!

Цзян Хай остановился и, стоя в тени, смотрел на него. Гу Цинчэн вдруг почувствовал страх, развернулся и побежал домой.

Он бежал изо всех сил, слыша, как шаги позади него становятся всё быстрее. Когда он добежал до своего дома, он остановился и оглянулся. Никого не было.

Только слабый лунный свет освещал тёмный переулок, и вокруг было тихо. Оказывается, шаги, которые он слышал, были его собственными.

Он был в поту. Цзян Хай становился всё более странным, даже начал следить за ним. Что он вообще задумал?

То напряжение, та странная слезка — всё это Гу Цинчэн помнил до сих пор. Вспомнив об этом, он тихо усмехнулся.

Цзян Чэн вздохнул, закинув руки за голову и откинувшись на спинку кресла. Гу Цинчэн повернулся к нему:

— О чём ты думаешь?

— О печальных вещах.

— У тебя есть печальные вещи? Я думал, ты непробиваемый.

Цзян Чэн посмотрел на него:

— Я тоже человек.

— На самом деле, ты неплохо устроился. Молодой, успешный, о чём тебе горевать? Люди должны быть довольны тем, что имеют, и тогда будет меньше проблем.

— А ты доволен?

Гу Цинчэн кивнул:

— Сейчас у меня всё хорошо. Зарабатываю больше, чем мог себе представить, живу в достатке. Я вполне удовлетворён.

— Не хочешь завести отношения?

— А?

Гу Цинчэн на мгновение замер, затем настороженно покачал головой:

— Заработок важнее отношений.

— У тебя больше амбиций, чем у меня. Я не такой, — вдруг сказал Цзян Чэн. — Я понял, что в

этом плане я безнадежен. Без любимого человека рядом я не могу найти вдохновения. Иногда чувствую себя, как баба — без любви жить не могу.

Гу Цинчэн хотел рассмеяться, но сдержался и, сохраняя серьёзное выражение лица, сказал:

— Тогда почему бы тебе не быть с Лю Инъин?

Цзян Чэн хмыкнул:

— У неё большая грудь, тонкая талия и округлые бёдра. Она очень сексуальна, мне нравится.

Гу Цинчэн, хотя и находил разговор о своей девушке в таком ключе странным, не мог не согласиться с фактами. Лю Инъин была одной из самых красивых женщин в шоу-бизнесе, с идеальной фигурой и безупречными чертами лица — мечтой многих мужчин. Судя по тому, как Цзян Чэн вёл себя в повседневной жизни, он, вероятно, был настоящим зверем в постели, и Лю Инъин, с её яркой внешностью, идеально подходила его вкусам. Он невольно вспомнил о Ся Ли и с улыбкой сказал:

— А ты помнишь Ся Ли, мою подругу детства?

Цзян Чэн нахмурился, словно не мог вспомнить:

— Ся Ли?

— Неужели ты такой бесчувственный? Ты ведь даже за ней ухаживал. Если бы не она, мы бы, возможно, и не познакомились. Ты тогда решил, что мы с ней пара, и долго меня донимал.

— А, ты о ней...

Цзян Чэн, кажется, наконец вспомнил:

— Она мне не нравилась. Я тогда за ней ухаживал, потому что поспорил с одним другом, Цзян Юанем. Он за ней ухаживал, но ничего не вышло, и он сказал, что её сложно завоевать. Я тогда был молод и глуп, любил хвастаться, вот и решил попробовать.

— Вот оно что. Ся Ли и Лю Инъин — это совсем разные типажи.

Цзян Чэн засмеялся, с неприличной интонацией добавив:

— Мне нравятся развратные. Ся Ли была слишком правильной, не могла раскрепоститься.

Гу Цинчэн тщательно обдумал эти слова, снова убедившись, что он сам был куда более сдержанным, чем Ся Ли, и слово «развратная» к нему никак не относилось. Он почувствовал небольшое облегчение и сказал:

— Всё-таки лучше, чтобы девушка была способна вести домашнее хозяйство.

— Да, — Цзян Чэн посмотрел на него. — Дома можно быть какой угодно, но на людях нужно держать себя в руках, иначе мне будет неловко. Но таких мало. Большинство — ни то ни сё, как вода без вкуса.

— ...Наверное, все такие. В частной жизни люди, конечно, более раскрепощённые, но на публике стараются выглядеть прилично. Это нормально.

— Нет, я встречал одну. Она обычно была холодна, как лёд, даже смотреть на меня не хотела. Но однажды она так разошлась, что чуть не убила меня.

Гу Цинчэн смутился:

— Правда? А ты не попытался её завоевать?

— Пытался, но не получилось.

— Неужели есть кто-то, кого ты не можешь завоевать?

Гу Цинчэн сказал это наполовину серьёзно, наполовину в шутку, но, к его удивлению, Цзян Чэн, казалось, искренне недоумевал:

— Да, я сам не могу понять, как такое возможно.

Он откинулся на спинку кресла и, повернувшись к Гу Цинчэну, сказал:

— Видимо, такова судьба.

<http://bllate.org/book/16564/1512547>